

Процессуальная независимость суда: тернистый путь от коммунистических мифов к объективной реальности российского правосудия

Ковтун Николай Николаевич,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России
E-mail: kovtunnnov@mail.ru

***Аннотация.** В контексте сути и следствий конституционного принципа независимости суда (правосудия) автором через анализ итоговых актов судебной власти (судебные прецеденты и акты судебного толкования права, объективированные как постановления Пленума ВС РФ) исследуется современное состояние российского правосудия по уголовным делам, как утверждает, в целом воспринявшего и эффективно реализующего основные элементы этой фундаментальной идеи. Автором в качестве итоговых выводов реализованного анализа, напротив, констатируется нарастающее состояние правовой неопределенности в исследуемой отрасли государственной деятельности, истоки и реальные причины которой, прежде всего, в явной двойственности правовых позиций и итоговых актов отправления правосудия по одному и тому же предмету; в полной «независимости» суда при отправлении правосудия от буквальных велений закона, актов конституционного правосудия и актов Европейского Суда по правам человека, толковательных позиций Пленума Верховного Суда РФ, от собственных норм-прецедентов, призванных быть эталонами применения права для коллизионных правовых ситуаций. Указанное не только не согласуется с сутью и содержанием идеи процессуальной независимости суда, но и явно нивелирует фундаментальную и общепризнанную идею верховенства права, его определенности. Обращаясь к институту судебной защиты и правосудию, как конституционной функции суда, стороны изначально вправе рассчитывать на правовой характер деятельности суда, нормативную основу и, соответственно, предсказуемость итоговых актов отправления правосудия, а не от факторов идеологического, политического, субъективного характера, принятых к вниманию «независимым», властно оберегаемым судом. Только на этой объективной основе заинтересованные лица будут объективно воспринимать правосудие как реальный и эффективный элемент формирования в Российской Федерации правового государства и гражданского общества*

***Ключевые слова:** принцип, процессуальная независимость, суд, правосудие, буква закона, акты судебного толкования права, судебные прецеденты, правовые коллизии.*

Идея независимости правосудия (суда, судей, судебной власти), терминологически несколько различно объективированная в национальных правовых системах большинства государств — членов мирового сообщества, как представляется, настолько изучена в контексте сути и элементов своего содержания, целевого предназначения и средств реализации, что было бы изначально напрасным занятием множить сущности в этих вопросах. Как следствие, мы конвенционально не будем упражняться в очередном «объективном» анализе велений ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ч. 1 ст.

120 Конституции РФ и соответствующих норм федеральных конституционных и федеральных законов России, в той или иной мере раскрывающих нормативное содержание этой фундаментальной идеи, и обратимся исключительно к сути этого правового явления, как правило, резюмируемой через систему следующих незыблемых, не подлежащих критическому обсуждению констант:

— судебная власть (суд, судьи), реализующая конституционную функцию отправления правосудия, должна быть максимально ограждена от любого внешнего воздействия, способного повлиять на ее беспристрастность, внутреннее убеждение о действительных обстоятельствах дела, объективный правовой вариант разрешения спора;

— вместе с тем, процесс и итоговые акты отправления правосудия должны строго соответствовать нормативным предписаниям национальной конституции и основанных на этом акте законов, а равно социальным представлениям (ожиданиям) общества о справедливости, ибо «правосудие» — суд не только о праве, но и «...о правде». Соответственно, только в диалектике этих двух составляющих суд и правосудие объективируются как реальные элементы гражданского общества, как действенный инструмент управления социальными и правовыми процессами.

Несмотря на справедливость, ясность и практическую востребованность приведенных выше констант, реально идея независимости суда применительно к «советским» реалиям, как резюмировалось большинством из российских исследователей, пройдя достаточно сложный и тернистый путь, осталась не более чем коммунистическим мифом, не сумев объективироваться в правовую реальность, в подлинную гарантию конституционной функции отправления правосудия¹.

Исправить указанное, по идее, была призвана комплексная судебная правовая реформа, перманентно, этап за этапом, реализуемая в Российской Федерации, начиная с 1991 г. по настоящее время, посредством совместных усилий Администрации Президента РФ, всех ветвей государственной власти и в целом юридического сообщества России. Насколько полно и точно эти потуги объективировались в российскую правовую реальность, скорее всего, итог субъективных оценок и наличного правового сознания субъекта оценки. Бессодержательно дискутировать по этим моментам — не предмет данной работы; да и переубедить оппонентов вероятнее всего не удастся. Продуктивнее обозначить свои позиции в этом вопросе: признаем, на данный конкретный момент мы всецело разделяем позиции и оценки тех членов российского общества, которые утверждают, что идея независимости российского правосудия (суда) не только действительно состоялась, но и функционирует как объективная реальность, «...данная нам в ощущениях».

Безапелляционность и крайняя лапидарность этого вывода вряд ли будет воспринята оппонентами как достоверная и непреложная истина. Как следствие, целесообразно обратиться непосредственно к практической стороне функционирования судебной власти России, ибо практика не только критерий истины, но и сама истина, объективируемая как факт, вне зависимости от публично провозглашаемых

лозунгов. Отсюда, предмет нашего внимания — акты судебной власти России в их корреляции с сутью и основными элементами идеи процессуальной независимости суда, столь искренне осознанной нами. Именно последние, конвенционально дифференцированные на две относительно самостоятельные подгруппы явлений правового характера — акты судебного толкования права и судебные прецеденты — суть объективная основа столь однозначно заявленной убежденности, суть достоверный и эмпирически верифицируемый факт.

Обращаясь к актам судебного толкования права, объективируемым в правовой реальности как («руководящие»²) разъяснения (постановления) Пленума Верховного суда РФ³, достаточно ясно понимаешь, насколько идея процессуальной независимости суда, «...все более овладевая массами и превращаясь в реальную материальную силу», реально трансформировалась из области идеологических лозунгов в область нормативно-практическую, в элемент управления правовыми процессами. Только обладая непоколебимой уверенностью в исходной своей правоте и подлинной независимости, можно, к примеру, взять на себя труд уточнить, не только нормативное понимание принципа презумпции невиновности обвиняемого, но и его конституционную суть (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Несмотря на, буквально «выстраданные», констатации о том, что в соответствии с идеей презумпции невиновности официально признать обвиняемого виновным в совершении преступления можно только обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу, Пленум, не задумываясь особо о нормативных последствиях, ставит на обсуждение, казалось бы, окончательно отвергнутую дискуссию о правовом значении акта прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Как резюмирует Пленум⁴, принцип презумпции невиновности, предусмотренный положениями ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК

² На данный момент термин «руководящие» разъяснения исключен из правового контекста, характеризующего указанные постановления Пленума. Тем не менее, по факту, они, как и ранее, носят, по сути, императивный характер для судебных инстанций, ясно осознающих последствия негативного плана в случае явной фронды последних.

³ Всестороннее обоснование этого тезиса предложено С.М. Даровских. См.: Даровских С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы // Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 35-37.

⁴ См.: п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней».

¹ См., например: Стецовский Ю.И. Судебная власть. М., 2000. С. 65.

РФ, п. 2 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, является одним из аспектов справедливого судебного разбирательства по уголовному делу. Поэтому в судебном акте не должны использоваться формулировки, из содержания которых следовало бы, что то или иное лицо совершило преступление, тогда как в отношении данного лица отсутствует вступивший в законную силу обвинительный приговор или **постановление о прекращении уголовного дела** по нереабилитирующему основанию. Как видим, вопреки буквальным и непререкаемым конституционным велениям, Пленум не только считает возможным сомневаться в официальной невинности фигуранта прекращенного уголовного дела, но и прямо ориентирует к подобным сомнениям практикующих судей.

Столь же независимо (от буквы закона) Пленум «уточняет» процессуальные полномочия руководителя следственного органа, принявшего уголовное дело к своему производству и ходатайствующего перед судом о разрешении на производство тех следственных действий, которые перечислены законодателем в ч. 2 ст. 29 УПК РФ. «В тех случаях, когда ходатайство о производстве следственного действия возбуждено перед судом непосредственно руководителем следственного органа, принявшим уголовное дело к своему производству, — акцентирует Пленум, — согласия вышестоящего руководителя следственного органа на направление ходатайства в суд не требуется» (абз. 2 п. 2 постановления № 19)⁵.

С практических позиций указанное, возможно, оптимально; с позиций закона — абсурд, так как по нормам ч. 2 ст. 39 УПК РФ в той ситуации, когда руководитель следственного органа принимает уголовное дело к своему производству, он (по этому делу!) обладает исключительно процессуальными полномочиями следователя, но никак не управомоченного процессуального руководителя. Как следствие, ни наличные полномочия, ни буквальная воля закона не позволяют ему манкировать надлежащую процессуальную форму внесения в суд ходатайств, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Пленум, напротив, уверенно «видит» в этом субъекте правовых отношений и процессуального руководителя, и административного начальника, высокий статус которого не может быть поколеблен принятием дела к своему производству; отсюда, императивы для судей, разрешающих подобного рода ходатайства в порядке ст. 108-109 или 165 УПК РФ.

⁵ См.: постановление Пленума ВС РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

Независимо «поправляют» волю закона и разъяснения Пленума, связанные с правильным пониманием легального предмета экстраординарной кассационной проверки (гл. 47.1 УПК РФ)⁶. Следования букве закона «хватило» лишь на формальную констатацию тезиса о том, что непосредственно уголовно-процессуальный закон в качестве последнего определяет строго свойства законности окончательных актов суда. В дальнейшем, судьям разъясняют истинные пределы подобной проверки (точное следование которым, по факту, и будет оцениваться судами вышестоящих инстанций). В абз. 2 п. 10 постановления № 2 Пленум ориентирует судей реагировать на допущенные судом нижестоящей инстанции нарушения в исследовании и оценке доказательств по делу, в том числе в контексте их причинно-следственной **связи с неправильностью установления фактических обстоятельств** дела. Суть ошибок, как акцентируется, подлежит оценивать в качестве надлежащего кассационного основания — как императив для переоценки фактической стороны приговора.

Подобные разночтения с буквой закона при этом не фронда, а выверенные, наработанные установки практикующих судей. Один из основных авторов апелляционно-кассационно-надзорной реформы от 29.12.2010 г. (Федеральный закон № 433-ФЗ) и одновременно Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ, В.А. Давыдов в принципе не видит особых проблем в том, чтобы одновременно констатировать следующие векторы экстраординарной кассационной проверки:

— «...вступившие в законную силу судебные решения по уголовным делам по вопросам факта считаются окончательными и не могут быть пересмотрены в кассационном порядке»⁷;

— «...нет особой проблемы в том, что в рамках экстраординарной проверки суд примет решение с учетом оценки не только законности, но и самостоятельно оцененной фактической обоснованности окончательных актов суда»⁸.

Судьи, как следствие, вполне уяснили не только суть и целевую направленность

⁶ См.: постановление Пленума ВС РФ от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

⁷ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 764, 781 (автор гл. 10 – проф. В.А. Давыдов).

⁸ Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. Ч. I / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Колоколова. М., 2015. С. 533 (автор гл. 9 разд. 3 – проф. В.А. Давыдов).

предложенных разъяснений, но и реальные правила игры, «маскируя» в итоговых кассационных решениях состоявшуюся переоценку фактической стороны дела и приговора, под такое легальное основание к отмене (изменению) окончательных актов суда: как «нарушение требований уголовно-процессуального закона в оценке доказательств».

В абз. 3 п. 10 того же постановления легализована проверка кассационным судом свойств справедливости окончательных актов суда. В итоге, экстраординарная по букве закона форма кассационной (надзорной) проверки (гл. 47.1-48.1 УПК РФ) по факту преобразована в ординарное средство выявления и устранения всех возможных нарушений закона — в интересах известной публичной законности.

Тем же независимым усмотрением нивелирован категорический запрет закона к внесению повторных или новых кассационных жалоб по тем же или иным основаниям, теми же или иными кассаторами в тот же суд кассационной инстанции (ст. 401.17 УПК РФ). Критически оценив букву закона, заместитель Председателя Верховного суда РФ В.А. Давыдов предельно ясно расставляет акценты: повторные кассационные жалобы подлежат рассмотрению в общем порядке, но другим судьей соответствующего суда. Не препятствует инициации кассационного пересмотра и наличие «отказного» постановления иного судьи, в силу чего нет потребности в его процессуальной отмене. Что же касается новых жалоб, то они подлежат рассмотрению и без указанных оговорок по общим правилам, как это имело место до 1 января 2013 г.⁹

В условиях все более осознаваемой независимости Пленум не считает себя связанным не только буквой закона, но и актами высшего органа конституционного правосудия, вынесенными по процессуальным вопросам. К примеру:

а) в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ: Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ принят в целях противодействия терроризму и исполнения международно-правовых обязательств России в указанной сфере. Единственно в контексте указанных целей закон допускает возможность ограничения прав подсудимого в совершении тяжких или особо тяжких преступлений на личное участие в судебном разбирательстве дела, если он находится за пределами Российской Федерации и не был привлечен к ответственности на территории иностранного государства. По букве закона: нет правовых оснований для произвольного распространения предписаний

⁹ См.: Давыдов В. А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 56.

ч. 5 ст. 247 УПК РФ на иные категории преступлений и дел¹⁰.

Позиции Пленума принципиально отличны: ч. 5 ст. 247 УПК РФ вполне разрешает заочное рассмотрение уголовного дела в отношении любого подсудимого, находящегося в Российской Федерации и уклоняющегося от явки в суд первой инстанции¹¹;

б) Конституционный Суд РФ разъясняет: «проведение полноценного судебного разбирательства (в соответствии с ч. 8 ст. 302 УПК РФ, являющейся специальной нормой по отношению к общему правилу, предусмотренному ст. 254 УПК РФ), направлено не только на обеспечение публичных интересов, но и на защиту интересов потерпевшего от преступления, а также самого подсудимого»¹². Суд не обязан следовать воле подсудимого и прекращать производство по делу при объективации оснований, предусмотренных ч. 8 ст. 302 УПК РФ; в интересах потерпевшего и подсудимого следует провести полное судебное разбирательство, выяснить все обстоятельства дела и по итогам постановить приговор, реабилитирующий подсудимого либо констатирующий его виновность, но с освобождением осужденного от наказания;

Пленум итожит иное: «...если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24, ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ, не прекратил уголовное дело или уголовное преследование, то в соответствии со ст. 389.21 УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет приговор или иное решение суда первой инстанции и прекращает уголовное дело или уголовное преследование»¹³. Концепты формирующейся независимости всецело восприняты судебным сообществом России, все более осознающим себя в качестве носителя государственной власти и буквально претворяющим

¹⁰ См.: определение КС РФ от 12.05.2016 № 1002-О «По запросу Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части 4 статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹¹ См.: п. 13 постановления Пленума ВС РФ от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству».

¹² См.: определение КС РФ от 29.03.2016 № 510-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бондаренко Светланы Яковлевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Цит. по: Калиновский К.Б. Истечение срока давности: прекращать дело или выносить приговор? // Уголовный процесс. 2016. № 7. С. 9.

¹³ Пункт 27 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

в российскую правовую реальность сакральную формулу: «судья — это говорящий закон». Примеры тому достаточно объективированы практикой российского правосудия, и если мы апеллируем к последним, то лишь для того, чтобы еще раз верифицировать основу (ранее) заявленной убежденности.

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, казалось бы, закрыта дискуссия о доказательственном значении объяснений, получаемых в стадии возбуждения уголовного дела и служащих легальной основой, как для законного и обоснованного решения о начале предварительного расследования, так и для общих целей доказывания. Закон однозначен: если указанные объяснения получены при соблюдении требований ст. 75 и 89 УПК РФ, они могут быть использованы в качестве доказательств на любой из стадий процесса (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ). Аналогично изложена воля закона в нормах гл. 32.1 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ: дознаватели вправе не верить объяснения, которые получены в стадии возбуждения уголовного дела, не дублировать содержащиеся в них сведения посредством протоколов допросов, при условии, что эти доказательства не оспариваются сторонами, не требуют установления дополнительных данных, имеющих значение для дела¹⁴.

По сути, именно волей закона впервые установлена легальная в целом возможность ссылаться на объяснения при обосновании процессуальных решений не только в процессе доказывания на досудебном этапе уголовного судопроизводства России, но и при постановлении (обосновании) приговора. Судьи иначе оценили волю закона. Как свидетельствует практика отправления правосудия в Российской Федерации, любые попытки сторон апеллировать к фактическим сведениям, изложенным в объяснениях, пресекаются судом, отправляющим правосудие, ибо, по мнению последнего:

— объяснения получены не в порядке, предусмотренном УПК РФ; отсюда, они не могут быть признаны ни «иными документами» (п. 6 ч. 2 ст. 74, ст. 84 УПК РФ), ни в целом легальными доказательствами по делу¹⁵;

— объяснения не входят в перечень доказательств, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ; как следствие легитимными средствами доказывания в уголовном судопроизводстве России они не являются¹⁶;

¹⁴ См.: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ.

¹⁵ См.: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 14.05.2013 № 22-3313/2013.

¹⁶ См.: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 04.06.2013 № 41-АПУ13-13сп.

— при получении объяснений не обеспечены процессуальные права лиц (потенциально — свидетеля¹⁷, потерпевшего¹⁸, подозреваемого¹⁹), от которых фактические сведения получены. В силу указанного эти фактические данные не должны и не могут быть признаны в качестве надлежащих средств уголовно-процессуального доказывания, исследованию и проверке в ходе судебного следствия не подлежат.

Столь же независимы судьбы в вопросе оценки права сторон на самостоятельное собирание доказательств по делу:

— в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, изложенными в определении от 17.06.2013 № 1003-О: обвиняемый (его защитник) имеют законное право привлекать к участию в деле выбранного ими специалиста; получить от него заключение, представить его органам предварительного расследования и суду для приобщения к материалам дела как доказательство защиты (ч. 3 ст. 80, ч. 2-3 ст. 86 УПК РФ)²⁰;

— аналогично изложены правовые позиции Пленума от 21.12.2010 № 28: «заключение и показание специалиста даются на основе использования специальных знаний и так же, как заключение и показания эксперта в суде являются доказательствами по уголовному делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ)²¹;

— правовые позиции органов национальной юрисдикции вполне согласуются с актами международного правового характера. В постановлении от 27.03.2014 «Матыцина против России» (жалоба № 58428/10)²² Европейский Суд по правам человека итожит: в контексте экспертных доказательств правила допустимости не должны лишать сторону защиты возможности их эффективного оспаривания, в том числе путем представления или получения альтернативных заключений. Отказ в исследовании альтернативной экспертизы в качестве доказательства (при определенных условиях) должен

¹⁷ См.: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда по делу от 06.03.2014 № 22-224/2-14.

¹⁸ См.: приговор Вичугского городского суда Ивановской области от 06.09.2013 по делу № 1-80/2013.

¹⁹ См.: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Костромского областного суда от 17.09.2013 № 22-1283.

²⁰ Аналогично: определение КС РФ от 24.02.2011 № 264-О-О, от 19.06.2012 № 1100-О, от 23.04.2013 № 495-О.

²¹ См.: п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

²² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2014. № 4.

рассматриваться как нарушение ст. 6 Европейской конвенции²³.

Непосредственно практика отправления национального правосудия более независима в этих вопросах:

— «...суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключения специалиста И. как полученного вне рамок уголовно-процессуального закона»²⁴;

— «...из дела видно, что судом принято и приобщено к материалам дела заключение специалистов, ...однако оно не исследовалось, поскольку получено адвокатом в рамках осуществления защиты»²⁵;

— «...суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключений, сделанных специалистами А., Л., П. по запросам защиты; ...эти заключения добыты вне рамок уголовного дела и не отвечают требованиям УПК РФ к основаниям и процедуре получения таких заключений»²⁶.

Доводы, к которым при этом апеллируют судьи, на первый взгляд, убедительны и морально оправданы: закон не регламентирует детально процессуальную форму получения указанных «доказательств»; как следствие, в процессе их формирования не обеспечиваются основные гарантии для лиц, от которых они получены. Между тем, конституционное назначение суда и правосудия, как высшей формы его деятельности, в безукоризненном следовании установленной процессуальной форме уголовного судопроизводства. Именно процессуальная форма, как принципиально подчеркивается, максимально обеспечивает гарантии достоверного результата отправления правосудия, высокий авторитет и незыблемость его итоговых актов.

С последним спорить бессмысленно и мы, по идее, готовы принять, как подобное правосознание судей, так и принципиальность их установок относительно ценности установленной процессуальной формы (порядка!) для

обеспечения правосудности итоговых актов суда. Готовы, если бы сами судьи были до конца последовательны в этих моментах.

Увы, объективируемая принципиальность явно «теряет» в своей безупречности при комплексном анализе актов российского правосудия; к примеру, при оценке судом тех же объяснений от лиц, но уже по делам с сокращенной формой дознания (гл. 32.1 УПК РФ). Здесь, как ни странно, судьи уже в принципе «не видят» тех проблем, которые связаны с порядком получения указанных объяснений или обеспечением прав тех лиц, от которых они получены; уверенно апеллируют к их фактической ценности при обосновании приговора, признают доказательствами. Возможно, причины указанных трансформаций в несколько иных критериях оценки отправления правосудия по этой категории дел или все же иное, поскольку в целом практика российского правосудия массово объективирует акты редкой независимости от предписаний закона, актов конституционного правосудия, от велений Пленума или собственных прецедентных решений. К примеру:

а) Пленум в постановлении от 22.11.2005 № 23 разъясняет: если один или несколько обвиняемых отказываются от суда с участием присяжных заседателей, следовательно в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство. Решение следователя, в том числе о невозможности выделения дела, должны быть мотивированы в соответствующем постановлении. При отсутствии этого постановления в поступивших материалах дело подлежит возвращению прокурору со стадии предварительного слушания (п. 2 ч. 1 ст. 236 УПК РФ)²⁷.

Верховный Суд РФ предлагает качественно иные подходы: «следователь не обязан выносить отдельное постановление, когда решает вопрос о выделении уголовного дела в порядке п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ, так как буквальное толкование указанных норм не содержит этого императивного требования»²⁸. Нарушений закона, как следствие, нет;

б) в соответствии с п. 9 постановления Пленума от 21.12.2010 № 28: подозреваемый, обвиняемый, их защитники, а также потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением

²³ Аналогично ЕСПЧ констатировал: заключение эксперта было важным доказательством, которое подкрепляло позицию стороны защиты, и оно могло быть решающим при рассмотрении вопроса об уголовном характере деяний, совершенных заявителем. См.: постановление ЕСПЧ по делу «Красуля против Российской Федерации» от 22.02.2007 (жалоба № 12365/03).

²⁴ См.: кассационное определение ВС РФ от 27.07.2005 по делу № 32-005-26сп.

²⁵ См.: определение ВС РФ от 29.08.2007 по делу № 5-д07-105 // Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 г.

²⁶ См.: кассационное определение ВС РФ от 18.04.2013 № 51-О13-10. Цит. по: Землянкина М.А. Признает ли суд доказательством заключение специалиста, полученное по инициативе защитника // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 30-36.

²⁷ Пункт 1 постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

²⁸ См.: апелляционное определение ВС РФ от 29.06.2017 по делу № 78-АПУ17-16СП. Цит. по: Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2017. № 9. С. 12-13.

о назначении экспертизы до ее производства (ст. 198 УПК РФ). В случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол²⁹.

Верховный Суд РФ иначе расставляет акценты, в принципе, не усматривая нарушений закона и прав заинтересованных лиц в том, что они ознакомлены с итоговым заключением эксперта только в ходе ознакомления со всеми материалами дела, оконченного предварительным исследованием (ст. 215-218 УПК РФ)³⁰;

в) Пленум Верховного Суда РФ требует обеспечения правильного и единообразного применения закона применительно к каждому из этапов судебного разбирательства. Поэтому, еще в подготовительной части судебного заседания председательствующий разъясняет всем участникам не только их процессуальные права и обязанности и непосредственно порядок их осуществления, но и разъясняет ответственность за нарушение порядка в заседании, предусмотренную ст. 258 УПК РФ (п. 3 постановления № 51)³¹.

Верховный Суд РФ «корректирует» эти позиции: «несмотря на указание в протоколе судебного заседания, что вступившая в процесс государственный обвинитель Д. была объявлена только для потерпевшей с разъяснением ей права отвода, следует признать, что этого вполне достаточно для того, чтобы сторона защиты также могла использовать это право, которое законодательно закреплено и хорошо адвокатам известно в силу профессиональной деятельности последних»³²; «неразъяснение судом положений ст. 258 УПК РФ в подготовительной части судебного разбирательства — не основание для отмены приговора»³³;

г) гражданин негласно осуществил аудиозапись с криминальными угрозами, адресованными в его адрес, и добровольно представил

указанную запись следственным органам как доказательство: — позиции Конституционного Суда РФ: указанное доказательство является недопустимым для процесса доказывания; запись получена вне установленных уголовно-процессуальным законом процедур и с нарушением права лица (лиц), чьи угрозы были записаны, на неприкосновенность частной жизни³⁴;

— позиции Верховного Суда РФ: гражданин реализовал право на судебную и правовую защиту; указанная запись является допустимым доказательством по делу и может быть положена в основу обвинения³⁵;

д) в соответствии с законом: уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению при наличии в отношении того же лица неотмененного постановления органа дознания, следователя, прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении дела (п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Отражая суть принципа *non bis in idem*, данное нормативное правило одновременно является основанием для признания в качестве недопустимых тех фактических данных, которые получены с игнорированием указанных норм.

Верховный Суд РФ не согласен с указанным: доказательство по делу, которое было возбуждено при наличии неотмененного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тем же фактам, вполне допустимы³⁶;

е) по букве закона: если потерпевший или сторона защиты не согласны с заключением экспертизы, реализованной в стадии возбуждения уголовного дела, их ходатайство о назначении и производстве дополнительной или повторной экспертизы (в стадии предварительного расследования) подлежит удовлетворению (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

Верховный Суд РФ не столь категоричен: «... назначение повторной или дополнительной экспертизы по ходатайству защиты требуется лишь при наличии оснований, указанных в ст. 207 УПК РФ»³⁷. Доказать наличие указанных оснований, естественно, бремя заинтересованных лиц;

²⁹ См.: постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

³⁰ См.: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 18.06.2014 № 53-О14-9сп.

³¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

³² См.: апелляционное определение ВС РФ от 05.07.2017 по делу № 4-АПУ17-20сп.

³³ См.: апелляционное определение ВС РФ от 29.11.2016 по делу № 127-АПУ16-17. Цит. по: Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам областных и равных им судов // Уголовный процесс. 2017. № 2. С. 11-12.

³⁴ См.: определение КС РФ от 11.05.2012 № 814-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аносова Игоря Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 74, 75 и 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³⁵ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 11.11.2010 № 43-010-22.

³⁶ См.: апелляционное определение ВС РФ от 11.10.2016 по делу № 56-АПУ16-19сп. Цит. по: Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2016. № 12. С. 11.

³⁷ См.: апелляционное определение ВС РФ от 16.06.2015 № 13-АПУ15-3сп.

ж) по нормам ч. 2 ст. 256 УПК РФ: определение суда о возвращении уголовного дела прокурору, о прекращении дела, об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого, об отводах, о назначении судебной экспертизы выносится в совещательной комнате и излагается в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или всеми судьями.

Верховный Суд РФ сомневается в ценности такого порядка: «...суду не обязательно удаляться в совещательную комнату и выносить отдельный документ, чтобы отклонить ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору или об изменении меры пресечения по делу»³⁸;

з) по букве ч. 4 ст. 192 УПК РФ: оглашение показаний допрашиваемых лиц, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки этих показаний допускаются лишь после дачи показаний указанными лицами или их отказа от дачи показаний на очной ставке.

Верховный Суд РФ «оптимизирует» данный порядок: при проведении на досудебном этапе очных ставок между свидетелями П., П. и обвиняемым И. свидетелям было предложено дать показания, однако по просьбе последних, в связи с давностью произошедших событий их показания были оглашены. По оглашении указанных документов П. и П. свои показания (охотно — *Прим. авт.*) подтвердили. Суд однозначно признал: подобное проведение очной ставки соответствует требованиям ч. 4 ст. 192 УПК РФ. Как следствие, допустимо и оглашение указанных показаний, и сами показания, в том числе для обоснования приговора³⁹;

ж) по нормам ч. 5 ст. 193 УПК РФ: лишь при невозможности предъявления лица (в натуре) опознание может быть проведено по его фотографии, предъявляемой одновременно с фотографиями других лиц.

Верховный Суд РФ качественно «улучшает» данную процессуальную форму: «...вместо предъявления осужденных для опознания потерпевшему, как следует из его показаний в суде, в ходе предварительного следствия предъявлялись несколько фотографий, на которых он узнал Я. и Ш. Указанный факт не свидетельствует о нарушении требований ч. 5 ст. 193 УПК РФ, и не ставит под сомнение достоверность реализованного опознания»⁴⁰;

³⁸ См.: апелляционное определение ВС РФ от 15.09.2016. № 33-АПУ16-10. Цит. по: Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2016. № 11. С. 14.

³⁹ См.: апелляционное определение ВС РФ от 02.05.2017. № 58-АПУ17-7.

⁴⁰ Там же.

и) по букве ст. 12 УПК РФ неприкосновенность жилища закреплена в качестве фундаментального конституционного принципа. Как следствие, если осмотр жилища может иметь место при наличии письменного согласия проживающих в нем лиц, то обыск в качестве законного своего основания требует исключительно судебного решения. Столь же ясным для доктрины и практики выдилось принципиальное различие между сутью визуального осмотра, как следственного действия, и принудительно-поисковым характером обыска.

Верховный Суд РФ ставит под сомнение закон, доктрину и практику, исчерпывающе обосновав: «...для осмотра жилища не требуется согласие владельца, а распил пола (для проникновения в подвал жилого помещения и («визуального»?) извлечения трупа — *Прим. авт.*) — это не обыск»⁴¹;

к) именно Верховный Суд РФ при оценке одной и той же нормы закона и практики ее применения, по сути, одновременно указывает:

— нет нарушений закона и прав заявителя в том, что явка с повинной оформлялась в ночное время в отсутствие защитника⁴², при игнорировании норм ст. 51 Конституции РФ⁴³; не проблема, что в дальнейшем подсудимый категорически отказывается от явки с повинной, сформированной в отсутствие защитника⁴⁴;

— явка с повинной является недопустимым доказательством исключительно по причине того, что заявителю (при явке) не разъяснили право на адвоката до возбуждения уголовного дела⁴⁵.

Образцы указанной независимости всецело восприняты судами нижестоящих инстанций.

⁴¹ См.: апелляционное определение ВС РФ от 17.01.2017 по делу № 72-АПУ16-34. Цит. по: Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2017. № 3. С. 11.

⁴² См.: апелляционные определения ВС РФ от 05.07.2017 № 4-АПУ17-20сп; от 21.11.2017 № 9-АПУ17-20сп; от 14.08.2018 № 201-АПУ18-31.

⁴³ Закон не требует разъяснять ст. 51 Конституции РФ и обеспечивать участие защитника лицу, которое обратилось в правоохранительные органы с чистосердечным признанием. См.: апелляционное определение ВС РФ от 26.11.2011 № 53-АПУ15-28. Цит. по: Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2016. № 1. С. 14-15.

⁴⁴ См.: апелляционное определение ВС РФ от 12.01.2017 по делу № 53-АПУ16-32. Цит. по: Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 8-9.

⁴⁵ См.: апелляционное определение ВС РФ от 30.11.2017 по делу № 45-АПУ17-25. Цит.: Балибекова А.М. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2018. № 2. С. 12-13.

Последние также не видят проблемы в том, чтобы по одному и тому же вопросу, но с некоторой разницей во времени, формировать прецеденты (акты отправления правосудия) с принципиально различными правовыми позициями. Для примера:

а) суд однозначно отказывает в удовлетворении ходатайства следственных органов о разрешении получения сведений об абонентской активности в отношении неопределенного круга абонентов сети (ст. 165, 186.1 УПК РФ), мотивируя это тем, что получение указанных сведений в отношении неопределенного круга лиц может нарушить их конституционные права и по закону недопустимо⁴⁶; разрешает получение испрашиваемой абонентской информации в отношении неопределенного круга лиц, приняв во внимание, как решающий довод, что эта информация имеет значение для уголовного дела и установления лица, совершившего особо тяжкое преступление⁴⁷;

б) суд констатирует: возмещение морального вреда лицу, уголовное преследование в отношении которого осуществлялось в частном порядке, но в дальнейшем было прекращено по реабилитирующим основаниям, производится за счет средств частного обвинителя по нормам ст. 1070 ГК РФ и вне зависимости от вины причинителя вреда (частного обвинителя)⁴⁸; указанное возмещение вреда возможно, но лишь при наличии в действиях частного обвинителя полного состава гражданского правонарушения, (бремя) доказывание которого должно осуществляться собственнo заявителем по нормам ст. 1064 ГК РФ⁴⁹.

Можно далее множить примеры подобной независимости и одновременно

разбалансированности системы российского правосудия, однако предложенный анализ и нарастающие тенденции практики, как представляется, вполне позволяют сформулировать ряд итоговых выводов. Суд, безусловно, говорящий закон! Во многом в сути этой константы квинтэссенция идеи процессуальной независимости суда. Как следствие, мы изначально на стороне тех коллег, которые последовательно отстаивают востребованность актов судебного толкования права и судебных прецедентов как актуальных форм выражения российского права. Вместе с тем, мы категорически против, когда идея «процессуальной независимости» — суть удобная и заранее готовая «ширма» для вуалирования двойных стандартов сугубо корпоративных «правил игры», публично объективируемых для обывателя как осязаемый результат судебной реформы. Если отбросить шелуху деклараций, российское правосудие — суть отлаженный, выверенный, «...идеально смазанный» элемент единой вертикали государственной власти. Телеологическое назначение последнего вовсе не в обеспечении независимого и беспристрастного разрешения спора двух процессуально равных сторон и не в защите интересов и прав заинтересованных лиц. Суд, как и ранее, изначально включен в «...общее дело борьбы с преступностью». Какие еще нарушения закона, какие конституционные права и свободы, если «...суд видит, что подсудимый виновен». А вот Европейский Суд, к примеру, видит и судит иначе. В 2018 г. Российская Федерация стала лидером по числу жалоб в ЕСПЧ; первая Россия и по числу проигранных дел (238 жалоб). При этом в качестве основной причины последнего указываются именно нарушения закона и прав заявителей, на которые национальные суды, ввиду их несущественности, не обратили внимание⁵⁰.

Не обратили, ибо были уверены — «...пока ты в игре», «...пока надежная скрепа», не заметят ни отступлений от буквы закона, ни фронды по отношению к Пленуму, ни явную двойственность норм-прецедентов, искомый результат ведь в наличии. Как следствие, единственной проблемой «независимости» в сфере отправления российского правосудия является исчерпывающая осведомленность об актуальных на каждый конкретный момент правилах этой одновременно увлекательной и опасной игры. Только точное понимание последних и безоговорочное следование их актуальному вектору обеспечит и сохранение надлежащего места в системе,

⁴⁶ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 31.10.2012 по делу № 22-14798; от 22.10.2012 по делу № 22-14128/12. Цит. по: Вилкова Т.Ю. Тайна переписки, телефонных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44-47.

⁴⁷ См.: апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2013 по делу № 10-974. Цит. по: Курченко В.Н. Особенности рассмотрения судами ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами // Уголовный процесс. 2014. № 3. С. 64.

⁴⁸ См.: апелляционное определение Судебной коллегии Свердловского областного суда № 33-2241/2011 // Бюллетень судебной практики по гражданским делам Свердловского областного суда (первый квартал 2011 г.): утв. постановлением Президиума Свердловского областного суда от 29.06.2012. Цит. по: Кузнецова А. Возмещение вреда лицу, уголовное преследование которого осуществлялось в порядке частного обвинения // Уголовное право. 2015. № 2. С. 122-125.

⁴⁹ См.: апелляционное определение Судебной коллегии Свердловского областного суда от 12.04.2012 № 33-4015/2012 // Там же. С. 122-125.

⁵⁰ См.: МВД объяснило, почему проигрывает дела в ЕСПЧ оппозиционерам. (Заглавие с экрана) // URL: <https://news.mail.ru/society/36124644/?frommail=1> (дата обращения: 29.01.2019) .

и восхождение по вертикали. Не знающих или не соблюдающих правил система, напротив, в достаточно обозримый период выявит и властно «отсеет», несмотря на столь громко декларируемую независимость и систему ее конституционных гарантий.

Список литературы

1. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. Ч. I / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Колоколова. М., 2015.
2. Балибекова А.М. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2018. № 2. С. 12-13.
3. Вилкова Т.Ю. Тайна переписки, телефонных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44-47.
4. Давыдов В.А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 56-58.
5. Даровских С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы // Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011.
6. Землянкина М.А. Признает ли суд доказательством заключение специалиста, полученное по инициативе защитника // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 30-36.
7. Калиновский К.Б. Истечение срока давности: прекращать дело или выносить приговор? // Уголовный процесс. 2016. № 7. С. 9.
8. Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2016. № 12. С. 11.
9. Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2016. № 11. С. 14.
10. Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2016. № 1. С. 14-15.
11. Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2017. № 3. С. 11.
12. Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2017. № 9. С. 12-13.
13. Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 8-9.
14. Крылов Е.Н. Дайджест практики по уголовным делам областных и равных им судов // Уголовный процесс. 2017. № 2. С. 11-12.
15. Кузнецова А. Возмещение вреда лицу, уголовное преследование которого осуществлялось в порядке частного обвинения // Уголовное право. 2015. № 2. С. 122-125.
16. Курченко В.Н. Особенности рассмотрения судами ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами // Уголовный процесс. 2014. № 3. С. 64-66.
17. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
18. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2014. № 4.
19. Стецовский Ю.И. Судебная власть. М., 2000.

Procedural Independence of the Court: the Thorny Way from Communist Myths to the Objective Reality of Russian Justice

Kovtun Nikolay,

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure,
Nizhny Novgorod Academy of the
Ministry of the Interior of the RF

Abstract. *In the context of substance and consequences of the constitutional principle of the court's independence the author through the analysis of the final acts of judicial power (judicial precedents and acts of judicial interpretation of law, objectified as the resolution of the plenum) probes the current state of Russian justice alleged to be in whole has perceived and effectively implements the main elements of this fundamental idea. The author as the final conclusions of the consummated analysis on the contrary states the growing condition of legal uncertainty in the studied branch of state activity, the origins and real reasons of which, first of all, are in the apparent duality of legal positions and the final acts of the administration of justice on the same subject; in the full «independence» of a court in the administration of justice from the literal dictates of the law, acts of constitutional justice and acts of the European Court of human rights, the interpretative positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, from own rules-precedents which are designed to be the standards of application the law for conflict law situations. Above doesn't agree with the essence and content of the idea of procedural independence of a court, but also clearly grades the fundamental*

and universally recognized idea of the supremacy of law, its certainty. Turning to the institution of judicial protection and justice as a constitutional function of a court, the parties initially have the right to depend on the legal nature of the activities of a court, normative base and, properly, predictability of the final acts of the administration of justice and not from factors of ideological, political, subjective nature which are taken to the attention of «independent», powerfully protected court. Only on this objective base interested parties will objectively perceive justice as a real and effective element of forming the legal state and civil society in the Russian Federation.

Key words: principle, the procedural independence, court, justice, the letter of the law, acts of judicial interpretation of law, judicial precedents, conflict of laws.

References

1. Apelliatsiia, kassatsiia, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervye rezul'taty primeneniia: monografiia [Appeal, cassation, supervision: novels of the Code of Civil Procedure of the RF, Code of Criminal Procedure of the RF. First results: monograph]. V 2 ch. Ch. I / Pod obshch. red. dokt. iurid. nauk, prof. N.A. Kolokolova. Moscow, 2015.
2. Balibekova A.M. Daidzhest praktiki po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF [Practice Digest in Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2018. No. 2. S. 12-13.
3. Vilkova T.Iu. Taina perezpiski, telefonnykh i inykh soobshchenii v ugovolnom sudoproizvodstve: pravovye osnovy, sodержanie, garantii [The secret of correspondence, telephone and other communications in criminal proceedings: the legal framework, content, guarantees]. *Rossijskaya yustitsiya [Russian justice]*. 2014. No. 10. S. 44-47.
4. Davydov V.A. Zapret na povtorno obrashchenie v kassatsiiu ne soglasuetia s pozitsiiami Konstitutsionnogo Suda RF [The ban on re-appeal to the cassation is not consistent with the positions of the Constitutional Court of the RF]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2013. No. 9. S. 56-58.
5. Darovskikh S.M. Sudebnye pravovye pozitsii v ugovolnom sudoproizvodstve: teoreticheskie osnovy i protsessual'nye formy [Judicial legal positions in criminal proceedings: theoretical foundations and procedural forms]. Dis. ...d-ra iurid. nauk. Moscow, 2011.
6. Zemliankina M.A. Priznaet li sud dokazatel'stvom zakliuchenie spetsialista, poluchennoe po initsiative zashchitnika [Does the court accept evidence of the conclusion of the expert, obtained on the initiative of counsel?]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2016. No. 8. S. 30-36.
7. Kalinovskii K.B. Istechenie sroka davnosti: prekrashchat' delo ili vynosit' prigovor? [Expiration of the statute of limitations: dismiss the case or pass a sentence?]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2016. No. 7. S. 9.
8. Krylov E.N. Daidzhest praktiki po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF [Practice Digest in Criminal Cases of the Supreme Court of the RF]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2016. No. 12. S. 11.
9. Krylov E.N. Daidzhest praktiki po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF [Practice Digest in Criminal Cases of the Supreme Court of the RF]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2016. No. 11. S. 14.
10. Krylov E.N. Daidzhest praktiki po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF [Practice Digest in Criminal Cases of the Supreme Court of the RF]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2016. No. 1. S. 14-15.
11. Krylov E.N. Daidzhest praktiki po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF [Practice Digest in Criminal Cases of the Supreme Court of the RF]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2017. No. 3. S. 11.
12. Krylov E.N. Daidzhest praktiki po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF [Practice Digest in Criminal Cases of the Supreme Court of the RF]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2017. No. 9. S. 12-13.
13. Krylov E.N. Daidzhest praktiki po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF [Practice Digest in Criminal Cases of the Supreme Court of the RF]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2018. No. 1. S. 8-9.
14. Krylov E.N. Daidzhest praktiki po ugovolnym delam oblastnykh i ravnykh im sudov [Practice Digest in Criminal Cases of the Supreme Court of the RF]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2017. No. 2. S. 11-12.
15. Kuznetsova A. Vozmeshchenie vreda litsu, ugovolnoe presledovanie kotorogo osushchestvialos' v poriadke chastnogo obvineniia [Compensation of damage to a person whose criminal prosecution was carried out in the order of private prosecution]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2015. No. 2. S. 122-125.
16. Kurchenko V.N. Osobennosti rassmotreniia sudami khodataistv o poluchenii informatsii o soedineniiakh mezhdru abonentami [Features of consideration by courts of petitions for obtaining information about connections between subscribers]. *Ugolovnyj process [Criminal process]*. 2014. No. 3. S. 64-66.
17. Praktika primeneniia Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [The practice of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation] / Pod obshch. red. V.M. Lebedeva. 6-e izd., pererab. i dop. Moscow, 2013.
18. Pretsedenty Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiiskoe izdanie [Precedents of the European Court of Human Rights. Russian edition]. Moscow, 2014. No. 4.
19. Stetsovskii Iu.I. Sudebnaia vlast' [Judicial branch]. Moscow, 2000.